

СМЫСЛОВОЕ ПОЛЕ И СМЫСЛОГЕНЕЗ

С.В. Моргачев*

Журнал «Юнгианский анализ»

Российская Федерация, 129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13

Аннотация. В статье рассматриваются два ключевых вопроса теории сознания и психолингвистики: вопрос об элементарных единицах мышления и речи и вопрос о способе их реализации в алфавитном письме. Эти вопросы анализируются во взаимосвязи и представлены в неоплатонистской парадигме. Автор выдвигает (в качестве единого системообразующего принципа для всех уровней мышления и речи, начиная от довербального и вплоть до высказывания любой длины) принцип прогрессивной редукции смыслового поля в процессе соединения смысловых единиц на основе общих субэлементов. Гипотеза о способе реализации этого принципа в письме формулируется с учетом исторически сложившихся, в основном на Востоке, как итог бессознательного процесса апроприации действительности, представлений о смысловом пространстве (мандалы и подобные им схемы).

Ключевые слова: теория сознания, теория мышления, психолингвистика, смыслогенез, речь, письменность, неоплатонизм

Вопрос о наличии у буквы (в любом ее аспекте – как фонемы, графемы, мысленного представления) смысла так же стар, как человеческая мысль об устройстве мира. Он тысячелетиями служил темой рефлексии в лингвистической философии индуизма, иудаизма, ислама, тибетского бона- и был решен положительно [см, например: 1. С. 137–138; 2. С. 132–138; 3. С. 7–13, 43–74; 4. С. 135–137, 147–150; 5. С. 163–182]. В каждой из этих традиций существует целый корпус лингвистических трудов, принадлежавших лучшим умам своего времени. В наше время это наследие составляет предмет интереса в основном востоковедения и истории религии. В лингвистике, и даже в психолингвистике и фоносемантике, оно, по существу, игнорируется как лежащее вне науки и в лучшем случае удостоивается упоминания как «мифопоэтическое» творчество [6. С. 36–37].

Между тем оно отнюдь не было мифопоэтическим, уже в силу того, что основным аргументом древних и средневековых грамматистов служила отсылка к собственному непосредственному опыту переживания смыслов языковых конструкций, начиная с отдельно взятой буквы. Это известно в отношении, например, Абхинавагупты¹ [7. Р. 132–136], Авраама Абулафии²

* E-mail: baikal.s@mail.ru

¹ Абхинавагупта (X–XI вв.) – индийский философ, лингвист, один из наиболее ярких представителей кашмирского шиваизма.

² Авраам бен Самуэль Абулафия (1240–1291) – еврейский мыслитель, каббалист, лингвист и мистик.

[8. Р. 1, 2, 6; 9. С. 179–182], аль-Хакима ат-Тирмизи³ [10. Р. 213, 221, 231], Мухйиддина ибн Араби⁴ [11. Р. 149], Ахмада аль-Буни⁵ [12. Р. 191], – и, собственно, длина этого списка ограничивается лишь глубиной погружения в тему.

Приведем здесь фрагмент из работы, посвященной творчеству суфийского богослова аль-Хакима ат-Тирмизи; это описание его взглядов могло бы быть отнесено и ко всей исламской лингвистической философии:

«Мистик, в процессе созерцания... сосредоточивается на выявлении значений, сокрытых в самых малых единицах языка. Звуки и буквы, элементарные составные части слов... выступают для него носителями значений... Каждая буква отсылает к смысловому слою, или „свету“, простирающемуся за ее физическим или ментальным воплощением. Когда „значения“ всех составных частей, образующих слово/имя (слово здесь понимается как имя вещи. – С.М.), суммируются, возникает действительный смысл слова/имени, а также [открывается] истинное знание о вещи, которая поименована» [10. Р. 213].

Во времена ат-Тирмизи понятия психолингвистического эксперимента не существовало. Считалось самым собой разумеющимся, что, если ученый, учитель, философ что-то сказал, – значит, это открылось ему в его опыте, который заведомо выше ординарного, профанного, и это следует принять. Мы живем в другую эпоху, и для нас отсылка к индивидуальному опыту познания недостаточна, нам нужны другие доказательства.

Вопросами соотнесения фонем с определенными смыслами занимается фоносемантика как часть психолингвистики. Еще в 70-х годах прошлого века советский психолингвист Александр Журавлев провел успешные эксперименты, нацеленные на установление самого факта семантической окраски фонем и графем в сознании испытуемых и первичное описание этой окраски. Его книга «Фонетическое значение» была издана Ленинградским университетом [13]. Позже была опубликована более популярная версия этой работы [14].

Насколько мне известно, результаты экспериментов Журавлева не подвергаются сомнению⁶. Вместе с тем, очевидно, что в психолингвистике эта проблема непопулярна. Ни в русскоязычной, ни в англоязычной литературе мне не удалось найти других равноценных по уровню работ на эту тему.

Этот небольшой экскурс в историю вопроса о смысле фонем и графем я предлагаю считать преамбулой к дальнейшему исследованию, где тема

³ Абу Абдуллах Мухаммад ибн Али ат-Тирмизи (IX в.), известный как аль-Хаким ат-Тирмизи – исламский богослов, лингвист, крупнейший представитель суфизма.

⁴ Абу Абдуллах Мухаммад ибн Али ибн Мухаммад ибн Араби аль-Хатимиат-Таи аль-Андалуси (1165–1240) – исламский богослов, лингвист, крупнейший представитель суфизма.

⁵ Шарафуддин Ахмад ибн Али ибн Юсуф аль-Буни аль-Малики (умер в 1225) – исламский богослов, лингвист, крупнейший представитель суфизма.

⁶ Известный специалист по фоносемантике д. филол. наук С.С. Шляхова отмечает в книге «Тень смысла в звуке. Введение в русскую фоносемантику», что методика А.П. Журавлева «применялась неоднократно», «подтверждая объективность» его выводов [6. С. 163].

ставится более широко – как проблема смыслогенеза и его выражения в алфавитных письменностях в самом широком плане, от протосмыслов уровня еще более глубинного, чем тот, что соответствует букве, до высказывания любой длины.

I. *Весь мир вокруг образован взаимодействиями смыслов.* Это бесконечная книга. А еще это – мозаика, по которой можно идти в любую сторону и считывать складывающийся, нарастающим итогом, смысл.

«Откуда же читать ее? С основания дерева или с кроны? С абсиды или с главного портала?.. Если я пойду от двух слонов, держащих дерево, то прочту мозаику, как это делали латиняне, западный народ, а если начну с противоположного конца, то попаду в совсем иной мир. Если я иду от абсиды, то оказываюсь на Востоке, в Византии. И мне навстречу сразу попадается король Артур верхом на козле, а рядом – Каин и Авель» [Роберто Котронео. Отранто⁷]

Образ движения внутри мозаики схватывает способ построения реальности, способ развития мира. В свою очередь, он основан на принципе *общности*. Потому что кусочки мозаики, естественно, соединены с другими кусочками так, что место соединения принадлежит и одному и другому кусочку, это их общая часть. Мозаика основана на ассоциациях, реализованных через общности элементов. И в каком бы направлении мы ни двигались, по траектории этого движения будет возникать и накапливаться смысл. Эти траектории составляют некий *сад расходящихся тропок*⁸.

Смыслы – это, на самом деле, совокупности, ансамбли смыслов, или, если угодно, их поля. Смыслы не ходят в одиночку. Два смысла могут соединиться, если внутри каждого из двух ансамблей найдется два одинаковых элемента, как в соседних кусочках мозаики. Более того, они не только могут соединиться, но и ищут соединения, поскольку подобное притягивается подобным.

Человеку нужно, чтобы в голове у него сложилась *связная мысль*. Если она не складывается – это беда для него и для окружающих: поток мыслей и речи становится бессвязным, а значит, не только бессмысленным, но и болезненным. Для бытовой жизни это очевидно. В решении сложных интеллектуальных проблем складывание связной мысли переживается как инсайт, – чувство, знакомое ученым, как внезапное разрешение какой-то загадки, итог «зависания» над какой-то проблемой. Теми элементами, которые, собственно, связывают смыслы, являются общности. Они создают главное в мышлении и речи: смысловую связность. Благодаря этой связности происходит синтез элементов мышления.

Если есть смысл, содержащий множество субэлементов $[A, F, H, M]$, и смысл, содержащий множество субэлементов $[F, E, R, V]$, они могут соединиться через общий субэлемент F , составляющий зону их пересечения. Данный смысл F , выступающий далее как самостоятельное образование,

⁷ Пол кафедрального собора г. Отранто (Италия), вокруг которого разворачиваются события в указанной книге, украшает мозаика XII в., занимающая весь неф и алтарь.

⁸ Название рассказа Хорхе Луиса Борхеса.

является более конкретным (можно сказать также – более узким или более точным). Но он никогда не редуцируется к точечной, абсолютной конкретности (это в природе невозможно); он тоже представляет собой некоторое смысловое поле, – архетип, содержащее в себе ряд возможностей развития.

Допустим, возьмем высказывание «я пойду на реку». Как формируется его смысл? Концепт «Я» латентно содержит в себе бесчисленное множество конкретизаций, касающихся свойств этого «Я», а также его возможных действий. В том числе он содержит, в потенциале, элемент «я пойду». Со своей стороны концепт «идти» потенциально содержит множество смыслов, связанных с субъектом этого передвижения, конкретным действием, подразумеваемым под данным передвижением, а также временем. Например, смысловая линия «экономика пошла в гору» является одним из вариантов развития, содержащихся в концепте «идти». После того как эти два концепта провзаимодействовали (соединились), – а соединиться они могут только путем ограничения своих смысловых полей их общим участком, – рассматриваемое высказывание («я пойду») уже приобретает зачатки какого-то внятного, конкретного и практически пригодного смыслового содержания.

При этом возникающее общее смысловое поле уже смыслового поля каждого из провзаимодействовавших элементов. Значительные части площадей этих исходных полей отпадают – выключаются из дальнейшего процесса, поскольку эти части «не монтируются» с элементом-контрагентом, они не могут стать сторонами синтеза.

То же самое происходит дальше. Среди всевозможных продолжений смысловой линии «я пойду» (в том числе, например, «я пойду в магазин», «я пойду в инженеры», «я пойду замуж») выбирается вариант «я пойду на реку»; тем самым происходит очередное ограничение смыслового поля. В свою очередь, концепт «река», при соединении с концептом «я пойду», тоже претерпевает радикальную смысловую редукцию (рис.).

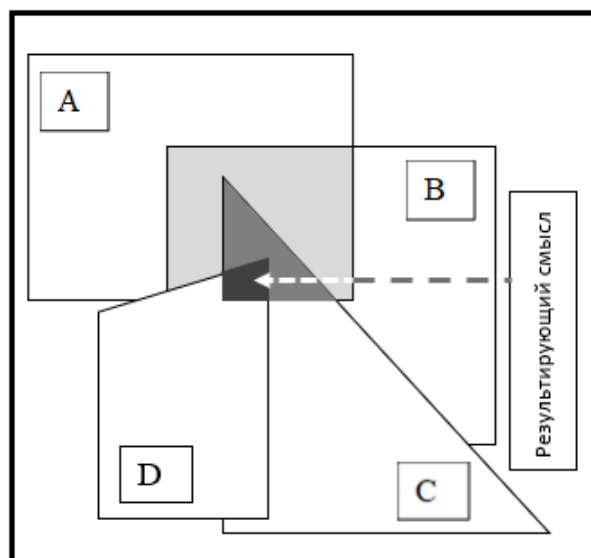
И она будет повторяться столько раз, сколько нужно, чтобы состоялось связное высказывание любой длины – речь, книга, диссертация.

Лингвистическая теория Ноама Хомского – «Универсальная грамматика» – базируется на том, что человек обладает врожденной способностью связно складывать слова в мысли. Я не поклонник Хомского, но в этом я с ним согласен: да, обладает, но только в более органичном, онтологичном, и, если угодно, более простом аспекте, чем у уважаемого коллеги. Это свойство создавать связи и соединяться является просто свойством смыслов / архетипов и проявлением их жизнедеятельности. Их логика, основанная на ассоциативности, составляет основу всего психического процесса.

Смыслы всегда представляют собой итог частичного сплавления предыдущих элементов в цепи. В результате каждый элемент смысловой линии будет содержать существо всего предыдущего высказывания – всей рассказанной истории.

Позвольте мне обобщение: жизнь человека тоже является такой рассказанной историей – главной историей. И внутреннее целостное самоощущение человека – личностный смысл, или ощущение смысла себя самого, – есть итог

всей его предыдущей жизни, выраженный одновременно, цельно. Итог, который меняется с каждым новым поворотом смысловой линии в мозаике – с каждым поворотом судьбы.

Связное высказывание в смысловом пространстве:

A, B, C, D – смысловые поля слов (или любых других единиц мышления) в их фактическом порядке; они накладываются друг на друга общими частями; потемнение цвета результирующего участка отражает конкретизацию высказывания. Очевидно, что по мере добавления элементов общее (результирующее) смысловое поле сужается, а смысл уточняется

Однако вернемся к более частным вопросам. Итак, мы видим, что без общности элементов никакое связное высказывание вообще невозможно, а необходимым свойством формирования высказывания на основе принципа общности является прогрессивное сужение результирующего смыслового поля.

II. «Иметь смысл» не значит иметь такой смысл, который можно изложить словом или последовательностью слов – вербальным высказыванием. Невербальные смыслы, которые смутно ощущаются, существуют – и не только «существуют», но и составляют органичную часть психического мира каждого человека, его глубинный слой.

Про невербальные смыслы можно сказать, что они весьма прозрачны, не плотны; это некие обширные разреженные облака. Когда они соединяются последовательно с несколькими такими же, то зона их пересечения – тоже представляющая собой некое облако – становится как бы тяжелее, темнее и плотнее; в ней начинает *созревать* вербальное проявление. И, в некий момент, это результирующее облако разрешается в слово, понятие. Смысл, благодаря своему уплотнению, переходит в другое агрегатное состояние.

Это процесс хорошо описан в литературе о мышлении ученых, в особенности математиков [15. С. 16–82; 16. С. 309–320]. Допустим, некоторая проблема с ходу не решается; начинается период медитации над ней, который

проходит в значительной мере бессознательно; он может продолжаться многие дни, недели, месяцы; и вдруг, иногда в совершенно не подходящий момент, приходит решение, которое часто бывает не из тех областей, которые рассматривались на предварительном этапе. Оно приходит внезапно, как откровение, как инсайт.

Если же рассмотреть этот момент манифестации решения более подробно, в замедленном темпе и «под лупой», то бывает так: сначала возникает ощущение присутствия решения, но оно не выражено ни в каких общепитаемых формах (а таковыми могут быть слова, физические или химические формулы, геометрические построения и т. п.). Это решение может смутно видаться интроспективно, как совокупность каких-то *светов*, или слышаться как звуки, – в общем, восприниматься невербально, – в какой-то модальности, более всего подходящей данному индивидууму. Ученые часто свидетельствуют, что они сталкиваются с проблемой перевода этих образов на общедоступный язык слов и формул.

Жак Адамар⁹ писал, что в процессе обдумывания он пользуется, в качестве представителей смыслов, «какими-то пятнами неопределенной формы» и видит «не собственно формулу, а место, которое она бы занимала, если бы ее написали: нечто вроде ленты, более широкой или более темной в местах, соответствующих членам, которые могут оказаться существенными», или же «нечто вроде формулы, прочесть, которую, однако, невозможно» [15. С. 72–75]. В своей известной книге о математическом творчестве он приводит, в частности, мнение Альберта Эйнштейна:

«Слова, написанные или произнесенные, не играют, видимо, не малейшей роли в механизме моего мышления. Психическими элементами мышления являются некоторые, более или менее ясные, знаки или образы, которые могут быть „по желанию“ воспроизведены и скомбинированы... [Они бывают] обычно визуального или, изредка, двигательного типа... Слова или другие условные знаки приходится подыскивать (с трудом)» [15. С. 80].

Мы располагаем также свидетельствами крупных шахматистов о том, как процесс генерации решения происходит в этой области. Например, Давид Бронштейн¹⁰, известный гроссмейстер, формулирует это так:

«Носителем смысла в шахматном мышлении являются трансформированные, существующие только в воображении, «виртуальные» образы реальной ситуации, порождаемые процессом, в котором зрительное восприятие, память и мышление слиты воедино... Образ – необходимая поддержка для мысли. Творческое мышление охотно использует гибкие и нестандартизированные системы образов, этот свой внутренний опорный язык, глубоко индивидуализированный... Действительно талантливого шахматиста

⁹ Жак Адамар (1865–1963) – французский математик, автор многих фундаментальных трудов. Известен также книгой «Исследование психологии процесса изобретения в области математики», которую мы здесь цитируем.

¹⁰ Давид Бронштейн (1924–2006) – участник матча на первенство мира с Михаилом Ботвинником (1951).

отличает прежде всего умение оперировать этим одному ему доступным языком образов» [17. С. 50–51].

В конце концов решение научной или шахматной проблемы находится. Критическим моментом становится ощущение сложившейся связи: все кубики притянулись к тем, с которыми они должны соединиться, чтобы образовалась цепочка; а те, которые не нужны в этой цепочке (лишние), – выброшены. Это ощущение возникает еще на стадии неопределенных образов. Адамар пишет: «этот механизм [мышления] не раскрывает мне ни одного звена в цепи рассуждения, но он мне напоминает о том, как эти звенья должны быть соединены... [Он] необходим для того, чтобы единым взглядом охватить все элементы рассуждения» [15. С. 74].

Пуанкаре вспоминает об одном эпизоде своей биографии, когда в течение двух недель он безуспешно бился над некоторой проблемой. «Однажды вечером, – пишет он, – я выпил, вопреки своему обыкновению, чашку черного кофе; я не мог заснуть; идеи возникали во множестве; мне казалось, что я чувствую, как они сталкиваются между собой, пока, наконец, две из них, как бы сцепившись друг с другом, не образовали устойчивого соединения. Наутро я установил существование [определенного] класса функций Фукса... мне оставалось лишь сформулировать результаты, что отняло у меня всего несколько часов» [16. С. 312].

Наконец, тот же Пуанкаре делает завершающий шаг в описании процесса латентного, до-вербального мышления: «В чем, в самом деле, состоит математическое творчество?.. В математике фактами, заслуживающими изучения, являются те, которые, ввиду их сходства с другими фактами, способны привести нас к открытию какого-нибудь математического закона. Это именно те факты, которые обнаруживают родство, – между другими фактами, известными с давних пор, но ошибочно считавшимися чуждыми друг другу. Среди комбинаций, на которые падает выбор, часто наиболее плодотворными оказываются те, элементы которых взяты из наиболее удаленных друг от друга областей» [16. С. 312].

Иными словами, цепочка смыслов должна сложиться на основе родственных (подобий); а в основе подобий, добавим мы уже от себя, лежат общие смысловые участки. Открытие происходит, когда эти общие смысловые участки находят друг друга.

Конечно, самое интересное и таинственное во всем этом, – и, увы, пока непонятное, – как из чего-то неоформленного возникает нечто оформленное; в частности, как невербальный смысл трансgressирует в вербальный. Этим вопросом задавался, и тоже безрезультатно, еще царь Экклесиаст: «Как ты не знаешь путей ветра и того, как образуются кости во чреве беременной, так не можешь знать дело Бога, Который делает всё» [Эккл. 11:5]. Но кое-что мы все-таки знаем: это принцип редукции смыслового поля в процессе соединения смыслов на основе общностей. Редукция смыслового поля (уточнение смысла) и есть мыслительный прорыв.

Есть все основания полагать, что процесс складывания смысла слова из смыслов букв проходит точно так же, как и латентный процесс мышления в

науке, ведь он относится к тому же классу – классу взаимодействия невербальных сущностей. Очевидно, что и в науке, и в шахматах тоже имеет место образование слов из букв и понятий из протосмыслов, с той разницей, что эти слова и понятия принадлежащих специфическим языкам. Момент научного или шахматного инсайта, когда в сознании высвечивается связный концепт, является полным аналогом того момента в бытовом мышлении, когда из невербальных составляющих проявляется слово.

Давайте проследим, что происходит со смыслами в процессе образования слова из букв, – допустим, на примере слова «дерево».

Итак – «дерево». Слово начинается с буквы «д». Она имеет слабо осязаемый невербализируемый смысл, но смысла в обычном понимании у нее, конечно, нет; и, когда мы произносим ее, вслух или в уме, или пишем, никакого «понимания» чего бы то ни было не происходит. По мере того как к этой букве добавляются другие, мы начинаем ощущать, что со смыслом этого ряда знаков или звуков что-то происходит: он (смысл) как бы уплотняется, или же, можно сказать, его «становится больше».

Действительно, одинаково ли ощущение смысла, присутствующего в букве «д» и последовательностях букв «дер» и «дерев»? Нет. Впечатление таково, что субстанция некоего протосмысла, наполняющая зачаток слова, по мере пошагового добавления его носителей (фонем или графем), изменяет свое состояние, и в ней вызревает некое превращение, подобно тому как в облаке, по мере накопления в нем влаги, вызревает дождь, или в насыщенном растворе, по мере его дальнейшего насыщения, вызревает внезапная кристаллизация. Смысл становится конкретнее, то есть как бы плотнее, а смысловое поле формирующейся психической субстанции сужается. Однако смысл в обычном понимании у этих последовательностей букв по-прежнему отсутствует, вплоть до самого последнего акта процесса – добавления последней буквы «о».

Наконец, вместе с ее добавлением, вся эта система букв и их смыслов скачком (*эврика!*) меняет свое состояние: последовательность букв складывается в слово «дерево», в сознании образуется понятие, концепт, и возникает понимание того, к чему «шла» данная последовательность и что она в своем итоговом виде значит. В этот критический момент некоторая психическая субстанция, стоявшая за буквами в процессе их взаимодействия и существовавшая только в невербальном пространстве в виде чего-то облакоподобного, бесформенного, внезапно обнаруживается в вербальном сознании в виде внятного смысла (понятия, слова), который есть объект, форма, «вещь».

В этот миг происходит изменение способа существования психической материи. Она пересекает черту, разделяющую формы и *не*-формы, смыслы в непосредственном значении этого слова и некие протосмыслы, тени смыслов, – подобно тому, как физическая материя пересекает условную границу, разделяющую квантовый мир и макромир.

Это – второй порог смыслогенеза: образование слова из букв, понятия из протосмыслов.

III. А какой же первый? Образование буквы из протоэлементов и смысла буквы из протосмыслов. Пытаясь как-то отрефлексировать эту тему,

мы поддерживаем ранее взятый курс на продвижение вглубь психики, в ее более тонкие слои. Очевидно, что способ рассмотрения вопросов порождения мышления и речи в данной работе находится в рамках неоплатонистской парадигмы.

То, что смыслы существуют и на уровне глубже буквы, утверждали еще древнеиндийские грамматисты.

Наталья Исаева, известный индолог, указывает, что, по учению Бхартрихари¹¹, есть три ипостаси речи: «видящая», «срединная» и «проявленная». «Проявленная» речь соответствует речи в обычном смысле, а «срединная» «создается идеальными звуками; это своего рода „первозвуки“» [З. С. 54]. Что касается «видящей» речи, то это, как полагает исследователь, единая, нераздельная речь, – исток как мышления, так и бытия вообще; но этого вопроса мы не будем касаться, хватит с нас и проблем, находящихся на один этаж ближе к поверхности психики. Поэтому сразу возвратимся к «срединной» речи. Упомянутые *первозвуки*, из которых она образуется, вероятно, следует понимать как элементы буквы.

Действительно, буква явно не есть что-то бесструктурное, она есть сущность составная. Это очевидно: достаточно посмотреть на знаки любого древнего алфавита, – они образованы отдельными черточками и различными кривыми.

Что касается смыслов этих черточек и кривых, то здесь предположим небольшой эксперимент. Возьмите чистый лист бумаги и начертите на нем какой-то элементарный знак, – допустим, косую черту из положения «внизу слева» в положение «вверху справа»; и сразу же, не вдаваясь ни в какую рефлексию, прислушайтесь к внутреннему ощущению этой черты, которое у вас возникнет (у меня, во всяком случае, подобные ощущения возникают совершенно точно). Потом начертите что-то еще, например, черту горизонтальную прямую или горизонтальную волнистую. Все эти знаки несут какое-то послание, какой-то смысл. Мы не можем его уловить, поскольку для этого нет никаких слов (и не может быть по определению), но мы можем сказать, что он есть, и он разный. Собственно, на фоне того обстоятельства, что он *разный*, его существование фиксируется еще более отчетливо.

Я предполагаю, что и на этом уровне принцип образования смыслов (ассоциация протоэлементов на основе общностей, с уточнением смысла и уменьшением смыслового поля) сохраняется, из чего следовало бы, что весь механизм смыслогенеза от складывания буквы до складывания книги работает единообразно. Этот тезис получил бы еще большее право на жизнь, если бы оказалось, что одинаково на всех уровнях устроено и перенесение смыслов на письмо.

Мы попробуем сейчас изложить некоторую гипотезу по этому вопросу – вопросу происхождения алфавитных письменностей.

IV. Во многих древних культурах существует представление о смысловом пространстве, в основных чертах сходное, даже несмотря на то, что эти культуры разделены океаном. Это представление плоскостное

¹¹ Бхартрихари (570 – около 651) – индийский поэт, лингвист и философ.

и имеет вид квадрата. Оно является проекцией трехмерного образа «мировой горы»; этот образ, в свою очередь, тоже имеет какую-то основу; но мы не будем углубляться в тему его происхождения. В данном контексте для нас главное, что этот смысловой квадрат *существует*.

Я имею в виду тибетско-буддистскую мандалу [18. С. 94–95; 19. Р. 75–83], индуистскую ваступуруша-мандалу [20. С. 266–271; 21. С. 107–119], пространственное отображение китайской системы У-син [22. С. 25–26], а также космограмму ацтеков из кодекса Фейервари – Майера и другие ацтекские изображения, ей подобные [23. С. 120, 129; 24. С. 114–115, 126–128].

Все эти космограммы устроены примерно одинаково: они ориентированы по сторонам света, а к последним привязаны определенные боги и множество сущностей, являющихся носителями смыслов: верх и низ, первоэлементы (например: дерево, огонь, металл, вода, как в Китае, – или другие варианты этой идеи), виды физических чувств, типы эмоций, типы мудрости, мантры, цвета, времена года, климатические проявления, вкусы, запахи, планеты, числа, геометрические тела, органы тела, виды тканей тела, температуры, человеческие звуки¹², виды растений и животных и, наконец, стадии земной жизни человека и мирового цикла, – и я не думаю, что исчерпал всю палитру элементов, которая в упомянутых космограммах используется. Внутреннее поле разделено, мысленно или фактически, на зоны, которые должны вместить определенные виды смыслов, – особенно это касается ваступуруша-мандалы, которая просто поделена на клетки. В центре, конечно, находится главное божество¹³.

В Европе также существовала подобная традиция, хотя, насколько мне известно, она не была так кодифицирована, как в Индии, Тибете или Китае; различные ее представления кочевали из манускрипта в манускрипт. Можно сослаться, например, на труд Исидора Севильского¹⁴ «О природе вещей» [25]¹⁵. Мы располагаем поздними документами, но можно предположить, что подобные идеи и связи существовали в бессознательном человека с самых древних времен.

А теперь давайте представим себе эту ситуацию: внутренний мир человека наполнен смыслами, – простыми и сложными, невербальными и вербальными, – и вместе с тем у него в какой-то исторический момент возникает понимание, что он может эти смыслы отобразить в плоском пространстве, находящемся перед ним (в виде, например, камня), поскольку в этом пространстве для каждого смысла есть свое (бессознательно узнаваемое) место. Почему бы их, в таком случае, действительно не отобразить? При этом конфигурация этого смыслового пространства, а также и сама смысловая система

¹² Здесь имеются в виду не звуки речи, а «крик, смех, пение, плач, вздохи».

¹³ За исключением системы У-син: там божеств нет, и в центре находится просто концепт «Центр».

¹⁴ Исидор Севильский (560/570–636) – архиепископ Севильи, святой Католической и Православной церквей, основатель средневекового энциклопедизма. Главный труд – трактат «Этимология» в 20 книгах.

¹⁵ В упомянутом труде космограммы изображены в виде кругов.

у различных народов, в разных регионах земли, может различаться, что может вести к образованию различных письменностей¹⁶.

Но каким конкретно образом может произойти это отображение и как должна сложиться его психическая обработка, чтобы реализовались те принципы смыслогенеза, о которых говорилось выше? Напомним, что эти принципы таковы: 1) смысловая цепочка обретает связность, когда смыслы соединяются через посредство общих участков; при этом 2) образующиеся смыслы становятся точнее и конкретнее, а смысловое поле сужается; и 3) эти условия реализуются на любом уровне, начиная с образования буквы до образования текста любой длины.

Существует единственный теоретически возможный способ такой реализации, и он кажется мне очень интересным и неожиданным. Операция нанесения знака на смысловую плоскость является не действием обозначения или внесения смысла, а действием его *вычитания или вычеркивания*.

Любому высказыванию предшествует полное, исчерпывающее смысловое пространство. Это очевидно: пока еще ничего не сказано, сказано может быть что угодно. Полное пространство соответствует чистому полю. Первый акт речи сразу вносит изъян, вычит в это пространство: допустим, кто-то начал высказывание со слова «Я», – значит, все смысловое пространство, которое не связано с темой действий этого человека, сразу отпало, выпало из дальнейшего процесса. И, далее, с переходом ко второму слову, к следующему предложению, к 50-й странице книги это пространство все продолжает и продолжает сужаться. При этом «означающим» является не тело знака, а остающееся вокруг него чистое пространство. Это *оно*, а не знак на нем *означает* концепт «Я» и все последующее содержание высказывания.

Можно сказать и так: собственно *знаком* является белое поле за вычетом линий, образующих букву, слово и т.д, а не эти линии.

То есть если, допустим, мы пишем черным фломастером на белой бумаге и привычно исходим из того, что то, что имеет значение при письме и на что надо смотреть, – это *черное*, то вынужден разочаровать: в бессознательном измерении мы смотрим и принимаем во внимание *белое*. Чтобы было спокойнее, можно сделать негативный снимок написанного и смотреть по привычке на черное.

Попробую это объяснить еще раз немного другими словами. Буквы складываются из линий, которые отображают на смысловом поле *изъятия* из этого смыслового поля (его ограничение, сужение). *Смыслосодержащим же остается белое поле* – это главное. После написания первой буквы следующая пишется (*в мысленном представлении*) *на том же поле* поверх нее; так же пишется и следующее слово, и все высказывание вплоть до миллионного слова; написание букв и слов в цепочку является условностью и уступкой тому простому факту, что физически написанное на одном месте является

¹⁶ Не во всех регионах, которые были упомянуты выше в связи с темой смыслового пространства, возникло алфавитное письмо; в Индии, Тибете, Европе оно сформировалось, а в Китае и в стране ацтеков возникли, как известно, иероглифические системы. Но это ничего принципиально не меняет в логике рассмотрения вопроса: важно, что для человеческой психики типично это явление – формирование представления о двухмерном смысловом пространстве.

просто нечитаемым. Формирование любого высказывания, от буквы до книги, представляет собой прогрессивное ограничение визуального двухмерного смыслового поля, в то время как в исходном виде оно соответствует полному пространству смыслов.

Такой способ формирования письма и его восприятия удовлетворяет второму из упомянутых требований: прогрессивному уточнению смысла, сужению смыслового поля. Что касается первого условия – о связности, то остающееся уменьшающееся белое поле, безусловно, ему соответствует: в нем всегда сохраняются участки, не разрезаемые какими-то линиями, то есть оно *внутри себя связно* (хотя эта связность, по мере развития высказывания, становится все более и более ограниченной). Что же касается третьего условия – о применимости этого механизма ко всем уровням формирования высказывания, начиная с буквы, то из всего вышеизложенного уже очевидно, что эта применимость имеет место.

Однако, несмотря на приведенные выше аргументы, мы не можем на данный момент доказать это экспериментально. И вряд ли когда-нибудь сможем. В определенном смысле – это хорошо, речь идет о возникновении человека и любое вторжение в него требует чрезвычайной деликатности.

Литература

1. Бурмистров К. Ю. Еврейская философия и каббала. История, проблемы, влияния. М.: ИФРАН, 2013.
2. Иванов В. П. «Атомизм» в звуковых построениях индийской тантры // Вопросы философии. 2014. № 6. С. 132–141.
3. Исаева Н. В. Слово, творящее мир. От ранней веданты к кашмирскому шиваизму: Гаудапада, Бхартрихари, Абхинавагупта. М.: Ладомир: Институт востоковедения РАН, 1996.
4. Корбен А. История исламской философии. М.: Академический Проект: Садр, 2013.
5. Норбу Ч. Н. Свет Кайлаша. История Шанг-Шунга и Тибета. Т. I. СПб.: Шанг-Шунг, 2013.
6. Шляхова С. С. Тень смысла в звуке: введение в русскую фоносемантику. Пермь: ПГПУ. 2003.
7. Bäumler B. Abhinavagupta's Hermeneutics of the Absolute. New Delhi: D.K. Printworld (P) Ltd., 2011.
8. Idel M. Language, Torah, and Hermeneutics in Abraham Abulafia. State University of New York Press, 1989.
9. Шолем Г. Основные течения в еврейской мистике. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2004.
10. Svirī S. Words of power and the power of words: mystical linguistics in the works of Al Hakim Al Tirmidhi // Jerusalem Studies in Arabic and Islam. 2002. Vol. 27. P. 204–244.
11. Lory P. The symbolism of letters and language in the work of Ibn 'Arabi // Eye of the Heart. A Journal of Traditional Wisdom. 2008. Issue 1. P. 141–150.
12. Gardiner N. D. Esotericism in a manuscript culture: Aḥmad al-Būnī and his readers through the Mamlūk period. A dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy (Near Eastern Studies) in the University of Michigan. 2014. <https://catalog.hathitrust.org/Record/100664168>
13. Журавлев А. П. Фонетическое значение. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1974.
14. Журавлев А. П. Звук и смысл. М.: Просвещение, 1991.

15. *Адамар Ж.* Исследование психологии процесса изобретения в области математики. М.: Советское радио, 1970.
16. *Пуанкаре А.* О науке. М.: Наука, 1983.
17. *Бронштейн Д. И., Смолян Г. Л.* Прекрасный и яростный мир. М.: Знание, 1977.
18. *Осенмук В. В.* Тибетская мандала. Структура и образ // *Культура Востока*. Вып. 2: Особенности регионального развития: Индия, Непал, Тибет / отв. ред. и сост. Т. Е. Морозова. М.: КРАСАНД, 2009. С. 91–108.
19. *Walcott S. M.* Mapping from a Different Direction: Mandala as Sacred Spatial Visualization // *Journal of Cultural Geography*. Spring/Summer, 2006. P. 71–88.
20. *Андреева Е.* История и культура индийского храма. Книга I: Рождение храма. М.: Ганга, 2021.
21. *Самозванцев А. М.* Индийская космограмма мандала // *Человек и Природа в духовной культуре Востока* / ред.-сост. Н. И. Фомина. М.: ИВ РАН, Крафт+, 2004. С. 105–124.
22. *Фалев А. И.* Классическая методология традиционной китайской чжэнь-цзю-терапии. М.: Прометей, 1991.
23. *Дюран-Форест Ж.* Ацтеки. М.: Вече, 2013.
24. *Леон-Портилья М.* Философия нагуа. Исследование источников. 2-е изд. М.: Постум, 2010.
25. *Isidore of Seville.* De natura rerum. URL: [https://codecs.vanhamel.nl/De_natura_rerum_\(Isidore_of_Seville\)](https://codecs.vanhamel.nl/De_natura_rerum_(Isidore_of_Seville)) (accessed: 12.04.2024).

MEANING FIELD AND MEANING GENESIS

S.V. Morgachev*

Journal “Jungian Analysis”

13 Yaroslavskaya St, Moscow, 129366, Russian Federation

Abstract. The article examines two key issues in the theory of consciousness and psycholinguistics: the question of the elementary units of thinking and speech and the question of the method of their implementation in alphabetical writing. These issues are analyzed in conjunction and presented in the Neoplatonist paradigm. The author puts forward (as a single system-forming principle for all levels of thinking and speech, from preverbal to utterances of any length) the principle of progressive reduction of the semantic field in the process of connecting semantic units based on common subelements. The hypothesis about the way to implement this principle in writing is formulated taking into account historically developed, mainly in the East, as a result of the unconscious process of appropriation of reality, ideas about semantic space (mandalas and similar diagrams).

Keywords: theory of consciousness, theory of thinking, psycholinguistics, meaning genesis, speech, writing, neoplatonism

---

* E-mail: baikal.s@mail.ru